

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

октябрь 1977 г.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

² См. M.Höfner, Eine qatabanische Weihinschrift aus Timna^c. "Le Muséon", v. 64, 1961, p.459. Cp. AM 60.1332,3-4: A.Jamme, Miscellanées d'ancien arabe, II. Washington, 1971, p.133-134.

³ A.Jamme, Miscellanées d'ancien arabe, III. Washington, 1972, p.42-45.

⁴ Здесь, как справедливо отметил М.Гуль, глагол имеет форму породы O2 (M.Ghul, New Qatabani Inscriptions. BSOAS, XII, 1959, p.I-2), как и в надписи Ja 2437.

⁵ См. A.F.L.Beeston, Qahtan. Studies in Old South Arabian Epigraphy, II. London, 1971, p.12-13.

⁶ О значении термина tḥt(y) "решение" см. А.Г.Дундин, О характере надписей из Джар ал-Лабба. ВДИ № I, 1972, с.31. Термин несомненно связан с арамейским twhjt, которым в палмирских надписях обозначается решение "совета и народа", см. CIS П, 3959; Inv. X, 44.

⁷ В тех случаях, когда контекст содержит значение "приказать" - при оракуле бога (Höfner, Timna^c; AM 60.1332) или приказе царя (VL Ia, Ja 2437) - глагол, несомненно, имеет форму породы O2 с каузативным значением - "дать полномочия".

⁸ Ср. А.Г.Дундин, Царская власть в Южной Аравии в I тыс. до н.э. ВДИ № 3, 1970, с.3-16.

А.С.Мартынов

О КОНЦЕПЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ОРУЖИЯ В ИМПЕРАТОРСКОМ КИТАЕ

I. Известный цинский ученый Ван Мин-шэн (1722-1798) в своем капитальном труде "Критические заметки к тексту 17 династийных историй" оставил, анализируя "Историю династии Хань" Бань Гу, весьма любопытное рассуждение, озаглавленное "Три неверных положения трактата о наказаниях". Все три положения имеют непосредственное отношение к нашей теме.

Ван Мин-шэн упрекал Бань Гу прежде всего в том, что тот объединил в одном трактате рассуждения о применении боевого оружия и инструментов наказаний. "Но ведь инструменты наказаний, -

писал цинский эрудит, — употребляются в мирное время, а боевое оружие — в карательных походах. И эти две вещи объединять невозможно" [3, цз. II, с.93]. Вторая грубая ошибка автора "Истории династии Хань", по мнению Ван Мин-шэна, состоит в том, что он неправильно расположил материал: следовало вначале описать наказания, а затем — применение оружия. Бань Гу поступил наоборот. Третья ошибка — Бань Гу, в сущности, не дал изложения "бин фа", то есть, "норм и способов применения оружия" в ханьское время. "Хотя ханьцы и не упорядочили [свою систему] управления и норм поведения, но [у них] не было такого периода, когда бы не существовало норм и способов применения оружия. Разве система организации [военного дела] в определенную эпоху не заслуживает изложения" — недоумевал и негодовал Ван Мин-шэн [3, цз. II, с.93].

2. Бань Гу и Ван Мин-шэн представляли одну и ту же традицию китайской мысли — конфуцианскую, но на совершенно различных стадиях ее развития. Бань Гу (I век н.э.) жил и творил в тот период, когда ханьский политический синтез был основным предметом историко-философских размышлений (см. об этом у Д.Л.Кроля [1, с.134-150]) и апология идей классического конфуцианства о неформальных и ненасильственных средствах управления переживала свой апогей. Ван Мин-шэн — ученый цинского времени, которое предъявляло к историческому тексту более прагматические требования, главное — по иному относилось к проблеме применения оружия.

Как известно, теория "десяти побед" начала складываться у Цянь-луна в конце 80-х годов XIII века. Она была призвана придать маньчжурской экспансии II половины XIII века характер последовательных этапов на пути к "окончательному" мироустройению и достижению классических образцов легендарной античности. Естественно, что в этот период к применению оружия относились несколько по-иному, чем во времена Бань Гу, когда основное направление политической мысли определялось сравнением между насильственным правлением династии Цинь и "ненасильственным" — династии Хань.

На смену этой дилемме при маньчжурах, несмотря на весь их истовый традиционализм, стала понемногу выдвигаться другая: засилие пустословия в прошлом, маскировавшее реальные политические неудачи, противопоставлялось трезвому реализму настоящего, отводившему применению оружия надлежашую роль. Но все это, разумеется, в рамках конфуцианской традиции. Так, Цянь-лун писал по пово-

ду непальской камлани: "Покорять людей, не воюя, - это пустые слова, которыми прикрывались императоры династий Хань, Тан, Сун и Мин. И все прогневшие начетчики считали их истиной. Однако, именно в них и заключалась причина [внешнеполитических] неудач [Китая]" [4, цз. "Шоу 2", л. 156].

Модификация конфуцианской традиции во II половине XV в. была не столь сильной, чтобы поколебать ее основы. Они остались неизменными. По-прежнему считалось, что главным способом управления является воздействие на Поднебесную благой силы монарха, оружию же отводилась вспомогательная роль. Однако важность внешней экспансии возросла настолько, что некоторые безупречные, с конфуцианской точки зрения, положения ханьского историка показались цинскому историографу совершенно ошибочными, хотя единственным их недостатком было лишь то, что ханьский догматический утопизм существенно отличался от цинского, что и обнаруживается при конкретном анализе "Трактата о наказаниях".

3. В трактате Бань Гу тема применения оружия вводится после краткого общесоциологического вступления о причинах возникновения коллективной жизни людей, появления у них политической организации, о принятии на себя носителями власти роли "родителей народа" и о выработке ими различных способов поддержания стабильного состояния общества. Применение оружия приходит в этот контекст в качестве акта, предваряющего нормальную социальную жизнь, в качестве борьбы с хаосом во имя привнесения в мир порядка и потому подается в ореоле мифологической традиции.

Для Бань Гу "военная история" начинается с битвы Хуан-ди - основателя китайской цивилизации - с императором Янь-ди, символизировавшим стихию огня. Также посредством применения оружия обрели Поднебесную династии Инь и Чжоу [2, с.1081]. И хотя о приходе к власти дома Хань говорится менее определенно - Гао-цзю получил Поднебесную, "сочетая просвещенность и воинственность" [2, с.1090], - за всеми мифологическими и историческими прецедентами привнесения порядка в мир явно просматривается именно ханьский реальный исторический опыт прихода к власти в результате применения оружия.

После установления мира в Поднебесной на авансцену выходят ненасильственные методы управления - "вань дэ", то есть, "просвещенность и благая сила дэ" монарха [2, с.1081, с.1091]. Оружию же теперь отводится вспомогательная роль [2, с.1091], где оно и обретает свое функциональное единство с наказаниями,

рвняясь от них лишь сферой применения: "Битье палками не может прекратиться в семье, наказания [через нанесение увечья] не могут прекратиться в государстве, карательные походы не могут прекратиться в Поднебесной" [2, с. 1091]. Цели и методы применения оружия определены его главной функцией - поддержанием порядка: "Оружие - это то, с помощью чего поддерживается гибнущее и продолжается прерывающееся, [с помощью чего] спасаются от беспорядков и устраняют вред" [2, с. 1089]. Поэтому оно не должно утрачивать своей связи с гуманностью и долгом [2, с. 1086]. Когда "при взятии города город переполнен трупами, а при захвате земли поля устланы погибшими" [2, с. 1089], - это пример неправильного использования оружия. Идеалом является противоположный полюс: "Искусно владеющему армией [не приходится даже] выстраивать ее в боевой порядок, а искусно выстраивающему [армию] в боевой порядок [не приходится] давать сражений" [2, с. 1088].

4. Таким образом, существенным для Бань Гу являлся лишь внутренний аспект применения оружия, внешний аспект - либо вовсе оказывается вне пределов его внимания, либо рассматривается просто как продолжение внутреннего. В связи с этим оружию отводилась лишь роль инструмента наведения порядка, главного инструмента - на первом этапе, но второстепенного - на последующих. Этим объясняется показавшееся Ван Мин-шэну ошибочным расположение материала: в начале - об оружии, а затем - о наказаниях. Объединение оружия и наказаний в рамках одного трактата, таким образом, было, с точки зрения Бань Гу, не только естественным, основанным на функциональном единстве, но и должно было подчеркнуть убежденность историка в том, что династия Хань установила в Поднебесной прочный порядок и что оружие отныне никогда уже не будет выполнять роль, отличную от системы наказаний. Он мечтал об "оружии покоящегося" [2, с. 1091], как это было во времена "трех династий". Поэтому конкретному описанию военного дела при Хань не нашлось места в его трактате. И это также не было ошибкой историка, как полагал Ван Мин-шэн.

5. Бань Гу был одним из наиболее ярких представителей ханьского конфуцианства, воссоздавшего и систематизировавшего античные традиции. Его "История династии Хань" стала образцом для династийных историй. И, несмотря на критику Ван Мин-шэна, то же можно сказать и о его доктрине применения оружия. Несмотря на некоторую деформацию при маньчжурах, она дожила вплоть до нового

времени, сохранив все свои самые существенные черты: отождествление Китая с миром вообще и пренебрежение к внешнему миру, в связи с чем оружие рассматривалось преимущественно как средство "управления", даже тогда, когда речь шла о явной экспансии вовне. В результате, находясь в плену конфуцианской традиции, китайское государство вплоть до нового времени не знало внешней политики как особого вида государственной деятельности и не выработало доктрины войны как особого межгосударственного состояния. В подобном развитии политической мысли императорского Китая сыграло свою, и весьма существенную, роль ханьское конфуцианство, и в частности, один из его корифеев - историк Бань Гу.

¹ Ю.Л. Кроль, Сыма Цянь - историк. М, 1970.

² Бань Гу, Хань шу (История династии Хань). Пекин, 1964.

³ Ван Мин-шэн, Ши ци ши шан цзе (Критические заметки к тексту 17 династийных историй). Пекин, 1959.

⁴ Цинь дин ко эр ка цзи люе (По высочайшему соизволению напечатанное собрание документов о войне с Непалом). Кс. (б.м.), 1795(?).

Ю.Д. Михайлова

О РЕСПУБЛИКАНСКИХ ИДЕЯХ В "ДВИЖЕНИИ ЗА СВОБОДУ И НАРОДНЫЕ ПРАВА" В ЯПОНИИ (1870-80-е гг.)

При изучении конституционных воззрений участников "движения за свободу и народные права" встает вопрос о том, были ли они республиканцами или сторонниками конституционной монархии. Этот вопрос имеет особую значимость для выяснения демократических традиций японского народа, поскольку КПЯ и прогрессивные японские ученые рассматривают "движение за свободу и народные права" как первое демократическое движение в стране.

Если мы обратимся к проектам конституции, составленным участниками движения, то увидим, что ни в одном из них не говорилось об упразднении власти императора. Сторонники "свободы и прав народа" считали, что в Японии должна быть создана "система совместного управления монарха и народа", то есть конституцион-